

* * *

Редеет со лба, за висками... они
лишаются раньше убранства.
И видишь сквозь лес новостроек огни:
редеют уже и пространства.

Все реже знакомых, все меньше друзей
встречаешь на просеке гулкой —
зашел в краеведческий будто музей,
а не на обычной прогулке.

А дальше поедет за ниточкой нить:
сосед, парикмахерша, слесарь...
Спохватишься: некому больше звонить!
И кабель провайдер отрезал.

Потянутся долгие ночи и дни...
И в окна не тополи трутся,
кругом обступив —
новостройки одни,
и ждут, как родня...

И дождутся.

* * *

Если в очках для близи смотреть вдаль:
только фигурки. А что там — апрель? февраль?
Утро ли брезжит? Брызжет ли непогода?
Город какой в окне? И какого года?..

Если коньяк хорош, то уж после двух
в воображенье зренье мое и слух.
Ты ли мне шепчешь, дышишь в плечо: люблю.
Руку целую? Или сквозняк ловлю?..

Телефон

У Фархада Хайдарова был телефон.

— Это кто говорит?

— Это Слон,

а со мной еще Пимен и Бяшка!

— Как всегда: полседьмого, стекляшка?

Шли в пельменную у заводского пруда,
где, бездонна, стояла, как время, вода.

Задыхаясь, безбашенно храбры,
пропускали сквозь юные жабры!

Через год телефон и моим провели —
только был я с другого припёка земли,
и молчал аппарат, будто помер,
лишь бумажный топорщился номер...

Ты ладошками, мама, как лампу, потри,
и верни меня вместе со всеми:
и Фархада, и Пимена из-под земли,
и наш пруд, обмелевший, как время...

* * *

Помнит хрупкая девочка вся помещались в горсти
а сейчас он не может и рук за спиною свести
впрочем дело-то даже не в этом а главное в том
что не хочется вечером в этот нерадостный дом
неприятны привычки ее и как спичка любой
взгляд косой или слово кривое какая любовь
а потянешь за нить неизвестно что вытянешь как
бросил с сыном в четвертом а тестю ответил мудак
это что-то другое не знает он что это что
как не носит но выбросить тоже не может пальто

Помнит был франтоватый забавный росточком хоть мал
и шутил представляясь что звать его тоже Ямал
обнимал только дверь открывала кета на пару
на столе остывала когда он ее на полу
а сейчас оцетиненный вечно в айфоне сопит
а потом отвернется и хоть притворился б что спит
иногда и подумаешь грешная боже ж ты мой

лучше б он вечерами и не возвращался домой
да какая любовь просто кончились силы и прыть
просто некуда плыть да и не за кем плыть и не хочется плыть

* * *

За пальмовой рощей/еловой чащей
светлеет лицом заря.
Какая разница — где встречаешь
первое января?

И на лыжне и на пляже пусто,
свет прогоняет тьму...
Но не пропить мастерство/искусство
быть везде одному.

Гильзы копченые из-под салютов,
выжженные круги...
Псов и ворон не тревожат люди —
только мои шаги.

Снега скрип или песка под пяткой —
разницы, в общем, нет.
С кем я, наивный, играю в прятки?..
В тень отступает свет.

* * *

В одно большое слово слиплись,
неотделяемо и слитно,
проходят утраночидни.
На горизонте гор не видно,
хотя я знаю: есть они.

И море — есть! Я даже слышу
сквозь ветер, шарящий по крыше,
сквозь листья пальм и сон, когда
вздыхает долгая вода...

Но снова крутятся повторы
про горечь кофе, глупость ссоры...
В тумане всё... Трешь по виску,
и — по песку туда, где горы,
по непросохшему песку.

* * *

Всё боль и горечь, всё упадок...
Сгнила скамейка, высох клён,
во впалом баке лишь осадок,
ржавь — золотых ещё времен.

Откуда эта память детства?..
Она из Книги Перемен:
все умирают королевства
и переходят в прах и тлен.

Как принц непризнанный, у трона
стою разбитого... Трава,
трубы чугунная корона
среди королевского двора.

Принцессы за морем в полоне,
мать-королева без ума,
отец у станции на склоне.
А у меня одна сума...

И солнце прячется в распадок
пугливой кошкой меж руин,
и остаётся лишь осадок,
один осадок, он один...